

18+

Инна Росст

ЗАЧЕМ ЖЕ
ОБМАНУЛА ТЕБЯ..?

Любовь, измена и ложь глазами
женщины

Инна Росст

**Зачем же обманула тебя..?
Любовь, измена и ложь
глазами женщины**

«Издательские решения»

Росст И.

Зачем же обманула тебя..? Любовь, измена и ложь глазами женщины / И. Росст — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-650842-2

Жить по любви и совести получается далеко не всем и не всегда. Обстоятельства и черты выращенного характера порой диктуют самые неожиданные решения, которые резко меняют жизнь человека и всех, кто его окружает. Правильность этих решений — удел высокой души.

Содержание

Глава 1. На пути к Чистилищу	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Зачем же обманула тебя..? Любовь, измена и ложь глазами женщины

Инна Росст

*Земную жизнь пройдя до половины, я очутился
в сумрачном лесу*

Данте Алигьери

© Инна Росст, 2024

ISBN 978-5-0065-0842-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

(описываемые события в жизни происходили, имена персонажей изменены, а возможные совпадения – чистая случайность)

Глава 1. На пути к Чистилищу

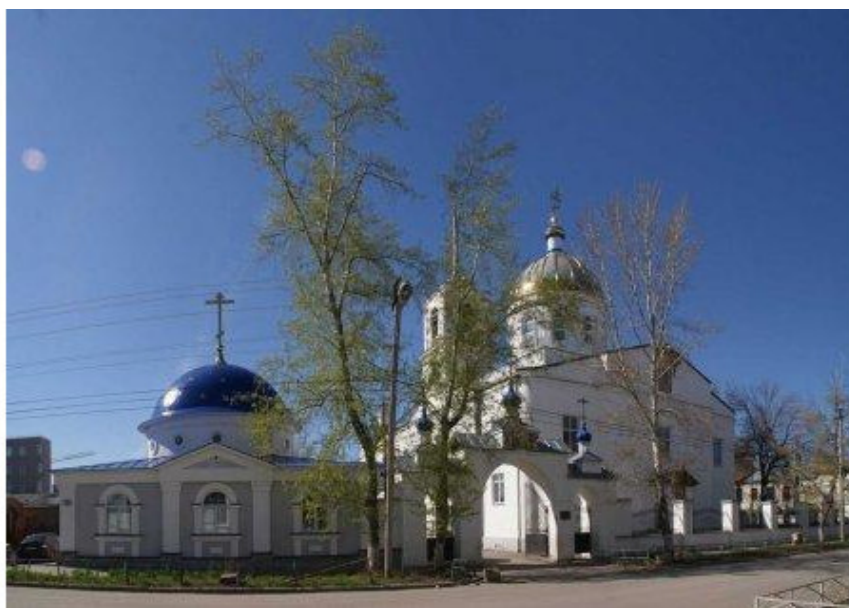
Семнадцатый апрельский вечер Года Жёлтой Земляной Собаки был последним на учебной неделе для самой старинной городской школы, уныло смотревшей теперь окнами бывшего купеческого особняка и его бледными облупившимися стенами на радостную весеннюю улицу. Стоявший напротив очага культуры белоснежный храм со ржавым куполом и покосившимся крестом терпеливо поджидал редких прихожан.

На невысокой, из-за безбожной мести к красоте, в былые годы уполовиненной колокольне, неспешно отзвонили вечерню.

День занятий давно закончился, весёлый и разноцветный тайфун школяров всклокоченным живым вихрем вылетел из классов, разлетаясь по улице отдельными яркими волнами и островками радостных детей.

А в середине светлого кабинета на третьем этаже школы, недалеко от входа за столом ещё сидела, окружённая кипами ученических тетрадок и бумаг, улыбчивая миловидная женщина с ясными синими глазами и волнистыми, тёмно-русскими волосами, убранными в короткую красивую причёску. Инночка, завуч начальной школы, снова задержалась на работе допоздна.

Разменяв на этой самоубийственной школьной должности второй десяток лет, она почти не видела, совсем не чувствовала себя хозяйкой своего дома. Овдовев несколько лет назад, Инна с болью в сердце ощутила страшное одиночество, и теперь время на работе было её спасательным кругом от тяжких мыслей о мелькнувшей в прошлом жизни и возникшими сложными узорами новых проблем.

Спасо-Преображенский собор в Самаре (фото Интернет)

Тонкие, но уже чуть-чуть узловатые пальцы привычно скользили по листам ученических тетрадок, делая всякие нужные пометки, а в мыслях Инночка была в тех далёких теперь годах, когда её жизнь, молодой, красивой, юной учительницы только-только начиналась.

«Вообще я правильно тогда сделала, что не послушала маму с папой, – думалось ей. Обиделись они, конечно, но мне тоже хотелось своего, личного счастья. Институт я потом всё равно закончила, правда, заочно. Ну, так получилось, что не сразу, как они задумывали..»

Не с лица ж воду пить, главное чтоб диплом был, да умение что-то головой нужное делать. А там и опыт пришёл». Она откинулась на спинку стула, расправила отёкшие ноги.

– Да, сидячую болезнь всё одно «схлопотала», – удручённо продолжала она вить свои грустные мысли. Что ж поделать, не всё кошке масленица выходит, приходится и приплачивать за кое-что».

Размышления Инночки прервал негромкий стук в дверь. Она отозвалась, и в её кабинет вошёл плотный, рослый мужчина в форме, с красивыми, ровными чертами лица. В аккуратной причёске уже кое-где пробивалась седина, а в глаза бросалась не сгибавшаяся в локте правая рука. «Наверное военный бывший или участник войнушки какой-нибудь, – подумалось Инночке, – Это ведь о нём наши бабы пересуды ведут. А я-то всё думаю, кто этот такой, Лёха. Теперь она поняла, что вошедший – новый охранник, которого школьное женское население в своих тесных кулуарах заинтригованно и жарко обсуждало уже неизвестно по какому кругу.

Мужчин в школе было раз-два и обчёлся, и появившаяся новая фигура сразу же вызвала неподдельный интерес дам и своим обликом, и, главное, своим аккуратным поведением, совсем не похожим на привычные повадки потёртых полустаричков на входе. В школе было совсем тихо, лишь уборщица, малотрезвая Нюрка, в поисках воды отчаянно гремела пустым ведром где-то на первом этаже.

– Здравствуйте, что-то вы засиделись сегодня снова, неужели дома никто не ждёт, – вошедший Лёха был немного нахален и смел, – я-то уж и кабинет ваш собрался запирать. – Вы одна на этаже остались. Кругом тишина, только технички швабрами шуршат по классам..

– Да, у меня всегда много работы, вот и не успеваю, сижу, доделываю – глаза Инны внимательно смотрели снизу на Лёху, согревая его чем-то необъяснимым. Это потом он сразу вспомнит выражение – «в душе что-то ёкнуло», но сейчас мысль суетливо проскочила как-то мимо. Он просто наслаждался её светлым взглядом и спокойствием лица, сохранившим ожидание радости, несмотря на минувший крикливый и шумный школьный день.

– Да, вам не позавидуешь, – осмотрев для вида кабинет и потоптавшись возле столов, заметил Лёха.

– Я скоро заканчиваю работу, осталось немного совсем. И ключ на вахту принесу обязательно, – светлые глаза Инны по-прежнему светились непонятной радостью. И откуда было знать Лёхе, что думала сейчас про себя русоволосая училка, когда он только—только появился перед её глазами.

«Так, ещё один типус объявился, – в голове улыбчивой Инны стал складываться образ новичка-охранника, косолапит, да ещё и как-то с поломанной рукой. Не грубит совсем, вроде начитан. Вежливый. Винищем, кажется, не балуется. А то присылают к нам кого ни попадя, выпивох да ротозеев. И нашли же где-то такого... Надо бы к нему присмотреться повнимательнее, – закрутилась адская мысль в голове Инночки, может и сгодится для чего-нибудь в моём «хозяйстве», – думала она, с интересом проводя взглядом выходящего Лёху.

Выходные пролетели незаметно. Однако мимолётная беседа с охранником не выходила у Инночки из головы, ставя всё новые и новые вопросы. В понедельник, в своё новое дежурство, он снова появился вечером в её кабинете, чувствуя интуицией Близнеца, что она всё ещё сидит усердно за своим столом, он принес довольно спелый банан и булочку, словно выжидал, когда все разойдутся и можно будет поговорить.

– Вы меня никак подкармливаете, – заметила Инна, пряча банан в верхний ящик стола, – я что-то не очень хочу есть. Но за это спасибо. Поработаю ещё немного и ваша булочка будет как раз кстати.

«По глазам его вижу, не чета он может быть моему сдохшему забулдыге, что всю жизнь мою извёл, по девкам таскаясь, да всякую заразу в дом принося. Господи, сколько же я с ним всего перетерпела, – вздохнула она про себя, – и по кораблям его моталась, ждала, дура, пока

он со своими кобылами-поварихами разбирался, чьи ляжки сильнее и горячее..И в ночлежках портовых сутками ночевала, пока он из своей загранички придёт.

Только одно по тем было временам хорошо – барахла много ценного привозил, потому как был сам жадиной несусветной. Об иномарке даже мечтал, да не сладилось у него что-то. А этот, скорее всего, не жлоб – вон каждый вечер еду мне таскает – бананы, булочки всё время покупает, будто другого ничего нет.

Не знает ещё, что я терпеть их не могу. Напоминают они мне кое-что.. И не жалко ему, кажется. Странно..Такой щедрый!? По жизни такой олух!? Ох, нет, точно не притворяется. Наверное, влюбился в меня, дурашка.. А это очень интересно..Местных я уже всех перепробовала, да и женатые они, никакого смысла нету, один сплошной риск, что разболтают».

– Да, видно не судьба мне была с Коляном – идиотом надолго сойтись, – продолжала размышлять Инна, перекладывая бумаги, – замуж-то и вовсе не хотела, желания никакого не было, да вот взяла и пошла из простого бабского любопытства – а как оно там будет? Ну, раз предлагал настойчиво, чего ж и мне не пойти..Так и пошла..

Всё для себя девственниц по жизни искал..Урод..А я виновата, что мне из пацанов никто почему-то не нравился? Я уж и по всем дискотекам ходила с девчонками, всё высматривала себе подходящего. А потом села как-то и подумала, а вдруг мне с этим Коляном удача и выгорит? Может он сама судьба и есть? А этот охранничек со своей мордашкой сохранился вроде неплохо – симпатичный, хотя и в возрасте. За мой «полтинник с хвостиком» наверное, давно уже точно потянул» – продолжала размышлять Инна, по привычке укладывая тетрадки в аккуратные стопки на столе.

Весна, пришедшая с яркими днями, уже заканчивалась. А общение с охранником Лёхой становилось всё откровеннее – они перешли на «ты» и с каждой новой встречей потоки чувств становились полнее и ярче. И хотя она оказалась на десяток лет младше, Инну это пока не тревожило – в её жизни должен был появиться человек, который отвлёт бы его, хотя бы на время, от горьких и ненужных мыслей.

Завершался учебный год. Миновала суматошная карусель экзаменов, Инна уже подумывала о летнем отдыхе, строя планы помощи сестре Кате на даче её сожителя Евгения. Он тоже где-то работал охранником и был Инне весьма неприятен из-за своего жуткого пристрастия к горячительному. И этот Катин выбор она одобрила только потому, что можно было почти безраздельно пользоваться дачей её ненадёжного спутника жизни. По совести говоря, Инна совсем не собиралась тонуть в дачных заботах. Это была страсть Кати, которая героически воевала за дачные метры с бывшей женой Евгения.

Его взрослые сыновья на этот сад-огород давно махнули рукой и Катя практически полностью взяла участок под свой контроль. Собранный урожай неплохо помогал всей семье. Удручало только одно – Алёна, единственная дочь Кати, плотная телом и дряблая душой молодая мать-одиночка, нисколько не вникала в проблемы матери и редко появлялась на даче, чтобы как-то помочь.

Инна уже собиралась попроситься к Екатерине на помощь, как вдруг выручка пришла к ней с другой стороны.

В один из предпоследних дней июня, когда коллеги Инны публично решали свои сладостные отпускные планы, Лёха, явившийся, как обычно, к ней на свидание в классный кабинет неожиданно предложил:

– Ин, а давай съездим в Казань. Недельки на две. Я там вообще не был, говорят, интересно. Город большой, красивый. Немного подумав, она согласилась. И у самой понеслись косяком мысли: «Интересно, а как он платить будет? Как мой, бывший, бабки зажатничает? Или просто денег даст? Ладно, поглядим на его поведение. Хм, хотелось бы знать, а какой же Он у него? Большой или маленький? Ладно, поглядим. Будет не моего любимого размера,

не дамся, сразу уеду. Услады никакой! А поводов будет море. Фи!. Зачем мне такой будет нужен, да ещё и одноруконький.

Вот мой бывший Колян такой приставучий был, страстный да шустрый, что изводил целыми ночами в край. Я ж медленно завожусь..А это... так шибко его злило..До того, что ему полный отлуп временами давала месяца на три или на полгода. Потому и дёрнул, неверный, к своим брюнеткам с крутыми ляжками. Обожал их. Видно, они его очень устраивали. Да ещё потом домой нагло заявлялся, пьяный в стельку, права мне качал при сыне».

– А когда поедем? – спросила Инна как можно равнодушнее, отвлекаясь от своих горьких мыслей о прошлом. Лёха сразу нашёлся: «Давай подумаем! У меня в июле отпуск, а у тебя?» «У меня, – Инна сделала домиком красиво подведённые белобрысые бровки, – тоже в начале июля. Можно поехать в середине июля, чтоб дождей не было, а то я слышала как-то, что в начале месяца будут дожди. Намокнем, простудимся».

– Ладно, подумаю, – согласилась она, – позвони дня через три, когда нужно будет ехать.

– Ин, а что ты так оглядываешься по сторонам, когда выходишь от меня из дежурки? – спросил Лёха, не зная, что наступает на самую главную и болезненную, до жути, мозоль Инны – её тайную жизнь в школе. Она дёрнула губами и молча отвела взгляд. Потом, прикоснувшись рукой к нему, погладила по плечу и пошла по коридору в свой кабинет на третий этаж.

«Вот бестолочь, – думала она по пути раздражённо, – чего нос суёт не в свои дела. Какая ему разница в моём поведении? Хотя, это не очень хорошо. Оказывается он не такой простачок, как я сначала подумала. Мужчинка с мыслями. Не наши школьные самцы, классно знающие только одно – „сунул, вынул и пошёл дальше“ без всякого тепла и чувства душевного. У своих жён ничего хорошего не находят, потому ко мне и прутся. Считают, раз я одинокая, то всё что хочешь можно выпросить. Да и я хороша, – грустно размышляла Инна, – Коляна теперь нет, даже поругаться не с кем, пар душевный выпустить не на кого».

Прошло три дня, в которые Инна обдумывала, как проверить нового любовника на прочность. В Казань она всё-таки решила поехать. Но только после того, как новый кандидат на её много знающее, умелое тело, ещё крепкое и трепетное, весьма способное многим удивлять, пройдёт убедительную проверку.

Проблему неожиданно решил кот Барсик, самое любимое ею животное в доме. После завтрака Инна решила чуть-чуть подстричься, а потом хорошо помыть голову в ванной, но довольный едой Барсик крутился под ногами, да так неудачно, что, прыгнув на умывальник, свалил шампуни прямо ей под ноги.

Процедура помывки превратилась в домашнюю разборку и тут Инне пришла в голову чудесная мысль, как отделаться от возможной поездки с малознакомым мужиком, а также проверить его заодно на истинные чувства.

И когда на третий день Лёха решил позвонить ей, то услышал в трубке плачущий голос: «Меня Барсик, кот, кислотой облил. Прыгнул на полку, пока я голову мыла и опрокинул бутылку с уксусом. Теперь мне обязательно надо стричься.. Как я теперь поеду с такой причёской? И вообще, куда?»

«Ба, да она отказывается, – сразу понял Лёха, – придумала что-то и боится с незнакомым ехать. Кстати, а причём тут кот? – продолжал он свои глубокие размышления, – самое интересное начинается...Надо что-то делать. А поеду-ка я к ней в гости. Заодно и посмотрю, как живёт». Сказано-сделано. Через двадцать минут он был возле её дома на окраине города в посёлке моряков, обошёл, присмотрелся. Снаружи дом казался крепким, основа-тельным, хотя и был построен в середине 50-х годов прошлого века.

Однако, зайдя в подъезд, Лёха сморщился от запаха плесени, застарелого кирпича, извёстки и вековой паутины. Самодельная добротная дверь убедительно говорила о заботливом хозяине квартиры, теперь, правда, уже бывшем.

Инна встретила Лёху как-то смущённо (придуманная ложь будоражила её), хотя он и предупредил её о своём приезде. Нервно прикрывая полотенцем мокрые волосы, жалобно рассказывала: – Я вот сожжённые кислотой волосы подровняла, как могла, и теперь сестру придётся просить, чтобы получше подстригла. Она парикмахер-самоучка. Раньше всегда так много стригла, как могла, тем и зарабатывала».

Кот-сиамец Барсик (фото автора).

Красивый кот, явный сиамец, лениво лежал на серо-зелёном, недоступном для его острых когтей, диване, самодовольно играя кончиком хвоста, и внимательно выслушивая малоубедительное враньё хозяйки. Пока пострадавшая сушила феном волосы, Лёха рассуждал про себя, в чём же состояла вина хвостатого любимца дома и была ли она реальна вообще?

Бросив взгляд на Инну, Лёха не нашёл следов химических ожогов ни на шее, ни её лице. Как химик, он знал, что с уксусом шутить нельзя, а тут перед ним стояла вполне здоровая и симпатичная женщина без всякого намёка на какие-нибудь повреждения кожи головы и шеи.

Увидев сомнения в лёхином взгляде, Инна поняла, что надо действовать совсем по-другому, использовать свой самый лучший и надёжный аргумент. Инна тихо вошла в комнату, прервав его ход мыслей, и присела рядом с ним на диван, сложив ноги по-турецки.. В руках у неё качалась старая коробочка из-под конфет, наполненная какими-то бумажками.

– Недавно я прибирала нашу машину внутри, – начала она дрожащим почему-то голосом и нашла моего мужа бывшего, Коли, тайные записки и рецепты. Её тонкие пальцы нервно касались пожелтевших листков с непонятными записями. – Оказывается, он ходил к врачу, ну сам догадываешься, к какому, проверял себя носитель он вируса или нет. И доктор, понимаешь направил его на лечение. А Коля взял и скрыл от меня всё это.

Он потом болел долго, мучительно, проще сказать, гнил живьём. Я днями не отходила от его постели. Чего только тогда не пережила... Последние дни Коля провёл дома, и о том, что я испытала, лучше не говорить“. Слёзы душили её. Инна вздохнула поглубже и продолжала: „Всё это Данилка видел, сын мой, сейчас на работе. Как он отца люто ненавидел, просто не могу передать. Пытался меня защищать, когда тот избивал меня за малейшие проступки – не так ступила, не так подала, не так посмотрела. Когда же наступили последние дни, Коля вообще как будто сошёл с ума.

Неожиданно пытался зачем-то вставать, видела, что в бреду был, несколько раз падал, а потом полиция пыталась установить на допросах причины синяков – действительно от паде-

ний или от моих возможных побоев. Все его родственники думали, что я непременно пыталась его зачем-то убить. Еле-еле оправдалась».

Голос Инны прерывался, слёзы снова скользнули по щекам... Она закрыла коробку и устало облокотилась на подушки.

– Да, понимаю тебя, – только и смог сказать Лёха, тяжело тебе пришлось, сочувствую. И, неожиданно для себя, прижался к ней плечом, полуобнял. А сам подумал: «Зачем же она это мне говорит? Так сразу, быстро, раскрывает картины своей тяжёлой жизни? Интересный душевный спектакль – рассказать о муже-поганце, который долго издевался над ней и сыном, и потом, как-то вовремя, взял и умер. Или тонкий намёк на сдачу пробы на вирус для отказа от знакомства? Скорее всего, именно это. Боится, а вдруг и я тоже заразный. Хочет подстраховаться»...

Но слёзы Инны были настоящими. Рядом сидел человек, который точно смог бы понять и принять её страшные тайны пролетевшей лучшей части жизни. Рассказывая Лёхе о своих печалях в замужестве с Колей, ей было реально жаль себя. Жаль тех лет, которые потратила на жестокое сожительство с ним. Жаль утраченных радостей, утонувших в грязи жизненных проблем. Жаль саму себя, доверившуюся ловеласу и проходимцу.

Но она знала, что дальше пойдёт всё равно одна. Нет, не одна. У неё выросстал безмерно любимый сын, который должен был жить с нею, заменив мужа. И, хотя ему было уже за тридцать лет, свою безудержную любовь к нему она никому не хотела отдавать. Это была самая главная и самая ужасная тайна её души, которую она никогда и никому не станет доверять.

Успокоившись, Инна встала, спрятала коробку в недрах древней, советских времён, неполированной стенки, и уже ровным голосом, который Лёха, ну не мог спутать ни с чьим, сказала так, будто он жил здесь уже целую вечность: «Не уходи, сейчас поставлю чай, попьём с печеньками». И вышла на кухню.

А уже через несколько минут они сидели за полукруглым, некогда белым, пластиковым столиком, и в молчании пили почти ароматный кофе, в очередной раз за короткое гостевание мысленно погружаясь в грустное прошлое жизни хозяйки. Инна, внимательно глядя Лёхе в глаза, интуицией Близнеца угадала его настоящее желание и, как будто подслушав его тайные мысли, достала из верхнего шкафчика буфета начатую бутылочку армянского коньяка.

– Сама не пью, его моя голова не переносит, но сейчас не могу, разревусь точно, что-то на сердце тяжело. Налейка мне чуть-чуть», – тихо предложила Инна. Пришлось даме уступить. Напиток оказался так себе, разве что по этикетке красовался армянский, но сейчас Лёха готов был и этот, почти коньяк, пригубить, ради жизненно изумительных, как чувствовал, душевных признаний симпатичной собеседницы.

Она уже ощущала, как горят огнём уши, а там, внутри, глубоко под сердцем, в недрах тела, разгорается новый щекочущий пожар от его пронзительного, внимательного взгляда, который она пыталась только что обмануть. По осторожному выражению лёхиных глаз Инна поняла, что все её попытки навешать лапшу жизненных передраг на уши этому кажущемуся простаку, провалились, и теперь надо было вступать на дорогу открытой полуправды и лжи, прикрытой лёгкой и непрочной паутиной всякой красоты, в том числе и телесной.

– Я родителей тогда не послушала, особенно маму, – рассказывая о себе, Инна гладила свою руку, словно хотела извиниться перед кем-то. Она очень хотела, чтобы я закончила школу и обязательно поступила в какой-нибудь институт. А мне вот, вздумалось пойти в местное педучилище, девчонки-одноклассницы говорили, что там очень интересно, да и мне всегда почему-то нравилось возиться с малышняй, чему-нибудь их учить. Откуда такое во мне взялось и как давно, сама не знаю.

Тайком отнесла документы в приёмную комиссию, и сказала родителям о поступлении в педучилище уже потом, после выхода приказа о зачислении. Деваться им было некуда, для вида поругали и смирились с тем, что я буду теперь учительницей начальных классов.

Учиться было очень интересно, да и время тогда было советское, по тогдашним меркам, любопытное, а по теперешнему – совсем непонятное.

В общем, потом пошла на работу, втянулась. А тут и замужество свалилось, как снег на голову. Я его не особенно-то и хотела, много занималась гимнастикой, мечты всякие лелеяла, но как-то не сложилась моя спортивная удачная судьба из-за травмы позвоночника – упала на копчик. Да, впрочем, и жизнь потом оказалась далеко не сахарной.

Инна помолчала, пригубила ещё из рюмочки, потёрла пальцы рук, – странно немеют почему-то, наверное, от нервов, – и продолжала: «Гуляла с будущим мужем Колей месяца два-три, тогда он мне сразу показался стоящим парнем, таким хватким, сильным внутри, порой даже дерзким. Я-то и сама не промах – молчу, молчу, а потом как вмажу словами. Словом, настоящий сангвиник. Потому разом и купилась на его характер. Может и стоило мне за такого идти, не знаю. А время тогда было лихое – начало девяностых годов. На кого-то нужно было опереться.

Он в то время имел хорошую, деловую профессию – моряк или ремонтник, бог там знает какой.. Но что-то с морем связано было. Значит, очень уж всем выгодная казалась. Тогда вообще дикий дефицит всего был, а моряки процветали, барахло там всякое из-за границы везли, можно было жить хорошо, припеваючи, это если с головой да по уму всё делать.

Он-то младше меня был всего на пару лет, зато шустрый, и мной дурой, крутил, как хотел. Я ж любила и верила ему, как никакая другая. Свадьбу сыграли скромную, только на ней огромный и позорный скандал произошёл – его бывшая девица, Клавка, так и не поверила, что он женится на мне, и тут же быстренько припёрлась отношения выяснять. Так было дико и неприятно слушать её визг и вопли..

Да-а-а..Семейная жизнь началась со скандала и гадостью закончилась. И с тех пор я очень во всём суеверная. Потому что сразу посыпались на меня какие-то невзгоды. Пожить нормально успели только месяца два с половиной, а потом Коля ушёл в плавание и начались мои мытарства душевные. Я пишу письма, звоню ему куда-то в пароходство, а письма или не доходили, или он их не читал вовремя. Получалась всякая куролесица. Одни нервы...

И когда в плавании он по мне соскучился страшно, вздумал меня на корабль пригласить, заманил всякой всячиной, дескать, приезжай в Питер, обратно на корабле пойдём до Куйбышева, из-за границы прибуду, вещей привезу, каких захочешь. А на деле так вышло, что я по-тихому стала содержанкой команды. Он так ловко устроил, что все сливки шли ему, ну и деньги, и работа была не пыльная, а мне по кубрикам оставалось шляться по его желанию...

– Налей-ка мне ещё чуть-чуть, – попросила Инна, – не могу этого забыть. Совсем никак не удаётся. Как с тобой буду, может это и исчезнет». Напиток сделал своё дело, Инна продолжила грустные воспоминания.

– Письма же мне писал такие любвеобильные, хоть плачь. Вон сейчас пачкой в шкафу за полками валяются, всё ж не стала выкидывать, ведь там частица души моей. Я, дура, так плакала, думала он любит меня очень. А Колян меня просто продавал с выгодой для себя – ему барахло команда за полцены сплавляла. При случае хвастался, что купил в Финляндии, в Германии за полцены.. Выходило, что эти полцены – мои услуги.. Так промучилась одну поездку, другую, а потом решила – хватит. Намекнула ему, а он сразу в лицо кричал: «Слинять хочешь, дура, от денег? Знаешь, сколько я должен отработать?». Не стерпела, высказала ему всё-всё, что думала. И ушла домой. Лежу, плачу, холодеет во мне под сердцем..Так и ушёл в новое плавание, изругавшись со мной до всяких чёртиков.

Прошло месяца четыре. Мама через кого-то из наших подруг прослышала о моих злоключениях, зовёт к себе: «Приходи, дочка, придумаем что-нибудь». Тут-то у меня сынок впервые и шевельнулся внутри. Радостная, пошла к ней. Просидели до полуночи в разговорах. Она настоятельно и присоветовала: «Иди, говорит, в пароходство, скажи, так мол и так, обрюхатил,

подлец, и бросил, ушёл в плавание. Не пишет и не интересуется ни мной, ни будущим ребёнком. Они уж прочистят ему мозги».

В парходство-то я не пошла, постеснялась тогда, но у меня был хороший знакомый, капитан большого пассажирского корабля, известная здесь личность, бывал у нас в училище, потом в школу приглашали. С ним поговорила, обсказала, как всё было и он пообещал помочь. Уж не знаю, что и как он там делал, но помог. Не прошло и недели, как мой благоверный муженёк позвонил через служебный телефон прямо с корабля, каялся, божился, что не будет повторять такого никогда.

Но ему я уже нисколько не верила. Мне знакомые во все уши прожужжали, что именно он там на кораблях делал, и как себя вёл в плавании. Стало так противно, как никогда. Но у меня уже был человек под сердцем, и его надо было родить, вырастить. А уж будет ли такой муженёк при этом присутствовать, это уж не моя печаль. Лишь бы деньги, подлый паразит, платил.

Вернувшись из рейса, полупьяный, в соплях и слезах, валялся у меня в ногах, умолял простить, клятвенно обещал жить душа в душу. В то лихое время наступил развал страны, надо было искать жильё – в морском общежитии, где я тогда бедовала, с ребёнком было бы очень тяжело. Но тут как раз, почти удачно, подвернулся жуликоватый, и жадный невероятно, его дальний родственник, прописал нас в комнате своей квартиры. В той, рядом, где сейчас сын живёт. А в этой, где сидим, был его склад всякого барахла, – продолжала Инна с усмешкой, – запасы всякие, доски, краски и прочее. Он-то часто не бывал здесь, дер-жал квартиру скорее для хлама, а тогда мы её хорошо от-ремонтировали, была сарай-сараяем, а стала квартирой.

Хотя бы в этом муж искупил вину – делал всё, как мне тогда нравилось. Попозже, со временем, создал под окнами газоны для цветов. Обожаю это дело. Красиво..В деревне не смогла бы жить – там ведь вкалывать надо круглые сутки. Одна скотина да птица с хозяйством, каких трудов стоит. И там не до цветов уж будет. А тут под окнами пожалте – газон, цветочки, какие хочешь выращивай. Вышла по настроению поработала, отдохнула..

Придурок-то мой и рад бы исправиться, да не тут-то было. Не прощала его, пока не повинится передо мной и Богом. Мы ж венчались.. Ну и что? Сходили в храм, исповедались, он перед батюшкой всяко покаялся, а сам-то видать нисколько не прочувствовал. Где-то полгода ещё продержался, и я стала с ним жить, как прежде. Думала, ну, всё, опомнился мужик, снова понадеялась на лучшее.

Устроился Колян в порту на частную фирму – лодки, плоты резиновые клеить, проверять, за границей побывал пару раз, и снова с катушек слетел от шальных денег. Завелись у него любовницы, одна другой ширше, глубже, и все, как назло, брюнетки. Меня даже хотел силой под них перекрасить, так не далась, покрасилась для вида потемнее, на том и отстал.

В отместку стал на Волге рыбачить. И не один. Сначала со мной, конечно, а потом, как мне вся эта рыба вонючая надоела, стал брать похотливых девок на речные ночёвки. И сына сначала прихватывал, да я потом запретила. Чего ему там смотреть? Как он в моей бывшей палатке чужих девок пялит?

И тут, как назло, снова забеременела. Хотела ещё родить ему дочку, может остановился бы, припрятал до лучших времён свой неутомимый активатор. Но нет, словно бес в него вселился, будто себе цель поставил – всех девок посёлка лишит целомудрия. Ну и не захотела я носить его кровинку. Со злости пошла на аборт. Убила свою девочку... Сейчас была бы дочка, красивая, белокурая, голубоглазая, о которой всю свою так жизнь мечтала, и не пришлось бы сына любить так сильно, как нельзя матери.

А тогда готова была растерзать этого идиота-гуляку. Доктора не послушала, дура. Он был не старый ещё, такой, усталый, сидел передо мною, и уговаривал глазами. А я смотрела ему в лицо и ничего не видела, кроме своего дуrolома. Будто оглохла. Во мне всё звенело и гудело в ушах. Как матрёшка сажу, поддакиваю. А сама криком кричу внутри, оттого, что муженёк

меня опозорил. Ни к кому не пошла со своей болью. Даже к маме. Она бы точно меня стала отговаривать, как и доктор.

Но я словно заледенела. Дни сидела молча. Так в холодной душевной полутьме и согласилась лечь на операцию, где меня всю-всю исполосовали. Я же спортсменка бывшая, вся узкая такая была, не жирная, как многие наши «коровы» поселковые..Время прошло и один Господь знает, сколько я потом по храмам исхо-дила, вымаливала прощение по дочери своей убиенной, уж и не знаю. Да и сейчас все вины готова взять на себя, искупить хоть чем-то, да вот мне прошлого никак не вернуть, придётся пользоваться тем, что осталось – один сыночек».

И только тут Лёху осенило – сын заменил Инне мужа.. Пока что визуально..Под матовым блеском натяжных пластиковых потолков замаячила мрачным туманом тень царя Эдипа.. Ему стало холодно, и как-то не по себе. Инна поднялась, ойкнула, видать, онемели ноги от неудобного сидения.

– Устала что-то, да ещё ужин готовить надо, Данилка, любимочка, придёт, есть захочет». Лёха тоже привстал: «Ну, я пойду, можно завтра зайти»? – Конечно тебе-то можно, – Инна отрешённо кивнула головой, –Я придумаю что-нибудь..»

Закрыв за Лёхой дверь, Инна решила отдохнуть от своих тёмных и потому грустных воспоминаний, пока не приехал сын. Слишком тяжело далась ей эта личная правда. Но это был верный ход, потому что дальнейшая ложь, она это по себе знала, будет восприниматься тоже как настоящая правда и тогда доверие к ней будет совершенно полным. Это было испытано ею на Коле, и сомневаться в этом не мог никто, даже он, муж-холерик, пытавшийся сделать из неё свою рабыню.

– Эх, Колян, Колян, как жалко, что недооценил меня – думала, засыпая Инна, – ошибся ты в самом главном женском качестве. Знал бы, как мы, бабы по жизни всегда и везде изворотливы, иррациональны, будто компьютер с неподражаемой логикой, которую легче разрушить, чем обойти. Потому и лежишь там, одинокий, у стены кладбища. Потому и не хожу к тебе, Колян, так часто, как надо бы..

– Завтра, завтра я..– мягкая подушка не давала мыслить, но Инна уже знала, что будет завтра в гостях у своего нового избранника, и потому спокойно отдалась объятиям постели.

День завтрашний, через ночь плавно перешедший в текущий, продолжился звонком Инны: «Ты где живёшь? В гости наведаться можно, раз у меня был? Лёха объяснил, как добраться, и стал ждать её с работы. После полудня она позвонила и сказала, что едет. Лёха вышел её встретить. Когда вышла из автобуса, улыбнулась своим неповторимым светом глаз: «Ты как царь устроился – Губернский рынок напротив, вокзалы всякие, поглядим, что это за хата у тебя». Вошли..Инна ожидала совсем другого места обитания, но не стала вслух оценивать. Присев за накрытый стол, заметила: «Ты ещё и готовить умеешь?».

– А то как же. Правда по-минимуму, но думаю есть можно мою стряпню: салаты, бутерброды, рыбный суп...

– Надо бы эти обои переклеить, – заметила она морщась от вида ободранных стен. Есть лучшие на примете, могу подсказать где. Лёха с радостью согласился и уже через неделю, в субботу, она в симпатичном спортивном костюме, который красиво смотрелся на её стройной фигурке, деловито руководила мелким ремонтом в его очередной временной «хате».

Решив взять полный контроль над Лёхой, Инна скрепя сердце, пожертвовала из своих огромных запасов давнюю занавеску из тюля, которую собиралась выбросить, но тут решила найти ей самое удачное применение. Сейчас она убивала в лёт сразу двух зайцев – показывала ловкость и заботливость своих рук хозяйки, и покоряла этим самым, правда на время, сердце нового спутника жизни. Опять же временного. Страх подчинения в браке гнал её от ЗАГСа почище волков. И даже само слово – «жена» она считала к себе вовсе неприменимым.

Потому и не хотела отпускать сына от себя ни за что. Безумная любовь к нему, как к ребёнку, в ней уже перерастала всякие естественные нормальные границы, и она с непод-

дельным страхом, замешанным на так знакомом внутреннем кипящем удовольствии, ожидала того дня, когда эта, пока сегодняшняя виртуальная страсть, станет обжигающей явью, коснувшись её тела и зальёт всё внутри яростной будоражащей энергией.

Новые геометрические обои, наклеенные с Лёхой в один из выходных дней, радовали глаз – Инна гордилась, что вытасила одинокого мужика из тусклой серости окружающей жизни и намеревалась продолжить свой курс «обучения». Но после третьего визита на его квартиру её пыл немного поугас. Вероятно она не ожидала, что неухоженный холостяк надолго «зависнет» в съёмном жильё и стала намекать на совместную жизнь без всяких обязательств.

Думая об этом, Инна не торопила события, ведь предстояла поездка в Казань, которая не должна была раскрыть побольше её тайн и противоречий. В том, что они стояли в полный рост и были заметны Лёхе, теперь у Инны было никаких сомнений. И тем более она не хотела, чтобы главным препятствием в этом стал её сын, тощий и бледнолицый инфант, торопливо проскользнувший в свою комнату во время первого лёхиного посещения. Тогда Инна не стала с ним знакомить Лёху, не считая пока нужным.

Вложив в Данилку все свои жизненные силы, Инна считала просто безумием потерять его теперь, когда не было какой-никакой материальной опоры в виде состоятельного, сильного духом и крепкого телом мужика. Она привыкла к его худобе, вялости мышц, сутулости, словом не замечала ничего, что могло бросить какую-либо тень отвращения к её сыну. Данилка был также белобрыс в отца. Плохая родительская кровь по отцовской линии в нём сыграла дурную роль – он часто болел кожными болезнями и мать не могла с этим ничего поделать.

Школьная пора добавила к этому «букету» расстроенный до гастрита желудок, сильную близорукость и, самое главное, эгоизм, замешанный на трусости. Пока отец резвился на стороне, он как-то временами вспоминал о сыне, устроил его в секцию тэквондо, иногда следил за тренировками. Однако, испытав боль на нескольких сеансах борьбы, белобрысый отпрыск испугался и заявил матери, что туда он больше не пойдёт и лучше займётся игрой на гитаре.

Инна безропотно согласилась с этим, жалея своего послушного и единственного сыночка, глубоко страдаая в душе о страшном грехе детоубийства. И то, что он теперь остался последней нитью, соединявшей её со счастьем в жизни, знала только она одна. Это и радовало, и пугало Инну. Радость была понятна. А вот страх нежданной потери отчаянно любимого сына заставлял переступать в ближайшем её будущем через все границы запретного.

Потому она и решилась сойтись на время с Лёхой, чтобы хоть на время, на час, отложить тот страшный миг, когда сын-мужчина потребует своего, кровного от любимой матери. Потому что она своей жаркой любовью не дала ему возможности обрести то, что принадлежало бы лишь ему – любви и удовольствия другой женщины.

Инна знала, что Данилка плод настоящей любви и надеялась вырастить его таким, как всегда хотела. Но все её лучшие чувства постепенно исчезли, растворились во времени, в ходе жизненных условий и событий – болезней, аборта, постоянных и циничных измен мужа, его жестокости, бытовых неудобств и последовавших взаимных подозрений и ответной злобы.

Страшась будущей одинокой старости, Инна стала копить на «чёрный день» практически всё, попутно закрыв свою душу и сердце на крепкий замок, чтобы никто и никогда не смог увидеть там, в глубине его, второе, её настоящее лицо. Мужчины, бывшие с нею после мужа, довольствовались только умелым стройным телом. Вообще она и не собиралась продолжать с ними отношений. Хотя остался среди них весьма ловкий и классный любовник, родитель одной из учениц, с которым она пока что не желала рвать интимной связи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.